

Павел Чумаков-Гончаренко

На Дону, или Выбор

Как все...

16+

Павел Чумаков-Гончаренко

На Дону, или Выбор

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чумаков-Гончаренко П. Н.

На Дону, или Выбор / П. Н. Чумаков-Гончаренко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это художественное повествование о судьбе двух подростков на фоне истории России и жизни всего русского народа на рубеже 20-21 вв.; это трагедия их жизни на фоне трагедии всего русского народа и попытка разобраться в причинах этой трагедии и ее последствиях; это попытка заглянуть в наше будущее и в будущее нашей страны и нашего народа.

© Чумаков-Гончаренко П. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Часть первая

Парики

Колокольный звон, разливался по округе, словно журчащий и кипящий ручей. Он наполнял своим звонким гулом, всю окрестность: сквозь буераки и овраги, лес и станицу, переливаясь и обвивая собою деревья и кусты, степь, а в ней каждую букашку и травинку, и сливаясь с Доном, мчался вдаль, теряясь где-то там, за излучиной реки, на горизонте. Молодой ученик пономаря Евдокима, Митька, с зачарованным вниманием наблюдал, как ловко, спокойно и с непоколебимой уверенностью, бил в колокола его дядька. Он был лет четырнадцати-пятнадцати и, облокотившись на перила, смотрел, то на Евдокима, то на небольшую вереницу баб, струящуюся под звон колоколов в монастырь. Редко к монастырю подъезжали и автомобили, это были паломники-туристы. Монастырь был небольшой и незнатный, чудом переживший все перипетии двадцатого века, а поэтому не мог похвастаться большим притоком паломников-туристов, и поэтому – не хвастался он и своим богатством.

– Глянь дядь, опять почти одни бабы идут, – сказал парень, когда Евдоким закончил бить в колокола.

– Пусть идут Митька! Может хоть они вымолят у Бога Русь-матушку?! – и он перекрестился глядя в небо.

– А почему мужики не ходят? – не унимался он с вопросами.

– А-то, ты у батьки своего спроси? – хитро прищурился мужчина, но потом добавил: – Да куда им?! Где они, эти мужики? – и тут же сам и ответил. – Сидят на печи или у баб своих под юбками парятся! А бабы за них вкалывают! И так ведь всегда было, коли мужик под юбкой сидит и сиську изо рта выпустить боится, то баба и работает одна и молится одна – одно от другого неотделимо!

– А – а?... – начал, было, Митька.

– Потом! – прервал его Евдоким. – А сейчас живо на службу, чтобы самим под юбкой не оказаться. А-то ненароком, как в сказке – в баб, как Иванушка в козленка, превратимся.

После этого разговора, Митька на службе с особым интересом стал рассматривать прихожан, особенно внимательно тех из них, которые носили на себе отпечаток вторичных, мужских, половых признаков, их было из мириад человек десять и в основном приезжие паломники-туристы. Остальные человек тридцать были в платках и явно носили на себе, тоже вторичные половые признаки, но уже женские. После слов Евдокима, Митька перестал особо доверять всем этим признакам и, разглядывая их всех, пытался понять: кто перед ним на самом деле – мужик или баба? Если человек молился усиленно и со вниманием, то Митька запросто относил такого человека, преимущественно к мужскому архетипу; а если он замечал, что кто-то, пусть даже с длиннющей бородой, был рассеян или не дай Бог стоял в сторонке и с кем-то переговаривался. То Митька без сомнения и какого-либо зазрения совести, относил его к женскому полу, или определял его девицей, если не в юбке, то уж точно находящейся под ней, так сказать – на выданье.

После службы, Евдоким пошел рубить дрова, а Митька заинтересованный и пораженный половым каламбуром, царившим в его неокрепшем, подростковом разуме, домой не спешил и увязался за ним.

– Так что дядь Евдоким?... ты говоришь, что это ненастоящие мужики были сейчас на службе? Или наоборот раз были, то настоящие?

Евдоким, сильным, уверенным движением, расколол пару пален и взглянул на парня: у того, совсем по-детски, словно у мальчишки, сразу одновременно раскрылись – и рот, и глаза. Евдоким усмехнулся и утер свой лоб тяжелой, здоровой ручищей, с таким усердием, будто он уже пол поленицы нарубил и, пожимая плечами сказал:

– А кто его знает? Это только Богу ведомо! Пару наших были, тех знаю, они так срослись с юбками, что их и не отдерешь: бабы на рынок и те туда же, бабы на службу и они иной раз с ними увяжутся от делать нечего, бабы дома сидеть будут, и их из дома калачом не выманишь, – и, засмеявшись своим аналогиям и сравнениям, а также тому, как ловко у него порой получается, понимать то, что подавляющее большинство окружающих, почему-то не понимают, он сокрушенно, но самодовольно подумал: «Эх, Евдоким, Евдоким! Эх, пономарь, пономарь, даром, что ты пономарь, погиб в тебе философ!», – но потом, немного подумав и устыдившись, говорил сам себе: «Я что? Я ничто! Вся мудрость от Бога! Хочешь мудрости – попроси, и Он даст, Ему не жалко! Если конечно тебе не навредит, то конечно получишь. Только вот не просят же?!.. А почему?.. Да потому что не знать проще, меньше ответственности, и давления меньше, и сердце в спокойствие пребывает, только вот земля от этой глупости в крови и в слезах утопает!»

– Ну и что дядь?.. а остальные? – вывел его из раздумий мальчишеский голос.

– Ах да... а что остальные?.. – возвращаясь из закоулков своего сознания, проговорил Евдоким. – Остальные разные наверно. Вот одного мужика там, такой солидный на вид, я знаю, тот настоящий мужик! Он свое земное дело делает и о Небесном не забывает. У него там, в городе есть свой автосалон. Ему Бог и ума дал, и деньгами не обидел, потому как он, о Нем не забывает: почти каждое воскресенье на службе, ну и на праздники конечно. Так вот он и с бабой своей, и без нее, постоянно здесь бывает, а значит она ему, и не указ; значит это у него такое внутреннее расположение, так сказать стремление души и сердца. А на такого человека приятно посмотреть, да и дело с ним иметь, и надежно, и опять же приятно.

– А наш Ерофей, фермер... не такой?

– А что Ерофей? – уже и позабыв про дрова, присаживаясь рядом с мальчиком, продолжал Евдоким. – Ерофей мужик неплохой, да бабий, оттого он такой и мелочный, а потому бесстыжий! Колхоз когда развалился, опять же потому что за годы советской власти, народ вообще от самостоятельности отвык; привык чтоб как вол: запрягли пашет, выпрягли – стоит и жует. Ну да ладно, не о том речь! Приехал он тогда к нам с города и скупил всю землю за копейки, у станичников их паи в аренду взял, да теперь ее и из рук у него не вырвешь, а за пользования сущие крохи платит, пару мешков за гектар – смех и слезы! А себе, как тот евангельский богач – закрома все наполняет и наполняет и когда спрашивается ятребу свою набьет?! Все никак остановиться не может и то правда, что это тоже болезнь, да болезнь еще какая, как говорится – мыши плакали, но продолжали жрать кактусы! А все еще почему? Потому что он и не хозяин, а так – наемник, с одной стороны, а с другой бабья душа – цацки любит. У него наверно уже, как у государя или генсека, гараж машин накопился! А на днях бабы говорили, нового коня стального себе пригнал, все никак не может остановиться, словно сорока все гребет и гребет. Но сорока оно понятно, она баба, для нее главное потомство обеспечить. Но в мужике то, еще что-нибудь да должно быть, стержень какой-то, дух товарищества. Как в Тарасе Бульбе, а не только бабье – над выводком трястись, да гнездо обустроить. Вот кстати вспомнили мы с тобой Тараса Бульбу, на Украине отчего сейчас так? – обратился он к Митьке, на что парнишка лишь пожал своими узкими плечами и его длинная, худая шея скрылась между ними, словно у черепашенка, а Евдоким продолжал: – Потому что бабье во всем народе победило – моя хата с краю, ничего не знаю. Как в Тарасе Андрей помнишь? Что им Русь? Что им вера? Им и дом-то свой толком неинтересен, это кучка панночек, и каждая из них, даже не о доме своем беспокоится, а о своем личном будуаре. Тарасов с Остапами перебили, остался один Андрей, да его друзья андрейки родства не помнящие. Разве им понять общерусского дела? В которое кстати Митяй и наши с тобой предки в свое время впряглись. – и он ласково потрепал мальчонку по плечу: – А дело это паря непростое и не человеческого хотения, а Божественного Произволения! Царьград пал и Русь матушка столетиями веру православную хранила и оберегала. А это те брат, ни чубы отращивать, здесь брат мужчиной нужно быть – казаком, воином! И думать,

прежде всего нужно не о своей хате с краю, а об общем – Божеском деле! А эти андрейки бесстыжие, все готовы и продать, и предать! И даже страшно говорить – Церковь Христову готовы по хатам своим, да по селам растащить! Что ни село, то подавай ему свою Церковь, что ни хата – то туда же! Эх, бесстыжая поросычья морда! И я вот что в ум никак не могу взять – как им не страшно Церковь на куски рвать?! Ведь и они невечные и им помирать, да перед Богом предстать придется! Неужели у них веры и на грамм не осталось?! Вот что чудно?!... Ведь для любого малоумного понятно, и очевидно, чем для всего мирового Православия была и есть Россия и Русская церковь! Только думается мне Мить, да я даже уверен в этом, что им там сейчас и плевать на все это! Там ныне уния и детишки униатские заправляют, оттого и не будет там никогда покоя, пока они окончательно не ухандокают Украину! А те, что кричат о своей украинской церкви, то или ряженные под православных или безголовые до глубины души! У них ведь была своя церковь и не устояла, унией все закончилось; утеряли они тогда веру нашу, но потом благодаря так ненавистному ими ныне московскому царю и его попу, многие, большинство, вновь вернулись в лоно Матери Церкви. Но память у них видно худая и переломанная вся двадцатым веком, никак не дает свести все мысли воедино, и понять кто враг, а кто друг. Вообще я думаю Мить, нынешняя Украина, – и он махнул рукой в сторону Запада, куда-то туда, за Дон, – это с точки зрения здравого смысла – нация самоубийц и пусть часто и невольно, и не зная, но враги всего мирового Православия! И они, и их потомки, если не одумаются, то ответят за все свои украинские штучки – и душой, и кровью! Я думаю главная их проблема, это то, что они и не создавали то государство, в котором сейчас проживают, ибо им это досталось почти даром от советской власти. А когда ты даром что-то получил, то ты это, такое бывает часто – и не ценишь, ибо не знаешь какой ценой, другие это, порой получают! Это кстати проблема и всех революционеров. А революция это, как правило, молодость и бесшабашность: детишки еще не понимают, какую цену за то, что у них есть, заплатили их отцы, деды и прадеды, а потому безумные и расшатывают корабль, пока он не рухнет, а потом кровью умоются и тоже кое-что понимать начинают. Но это только потом... А ты как думаешь?... – усмехнулся Евдоким глядя на мальчишку, понимая, что, наверное, перегнул немного палку и рановато еще ему в таких вопросах разбираться.

– Не знаю!.. – зардевшись, честно признался Митя и опять спрятал свою длинную, худую шею, в плечи, словно в панцирь.

– Не знаешь? – усмехнулся Евдоким. – Ни-и-чего! Подрастешь, узнаешь...

– Только вот дядь, вдруг подал голос Митя. – И у нас то, тоже хотели отсоединиться от России в Гражданскую... Да и сейчас вон с Америки дядька приезжал, все говорил, что мы казаки другие, нам нужно свое государство строить...

– И у нас так, да не так... Мы построим..., но только разве, что такое, как на Украине! – вздохнул Евдоким. – А ты Митяй молодец, взрослеешь! – мальчик смущенно заулыбался от похвалы. – Только вот мы независимости захотели, когда те, кто сидел в Москве и Петербурге, начали Россию уничтожать! Веру нашу искоренять, народ уничтожать, а это уже брат совсем другая история! Тогда брат те, кто пришел к власти, бросили наземь и начали топтать и уничтожать самое святое – святыню! Ту святыню которую русским Сам Бог вручил! А они отказались от Бога и от Его дел, и стали уничтожать то, чем Русь по воле Бога тысячелетием была, жила и множилась, то есть хранительницей и защитницей истинной Христовой веры! – и Евдоким, переведя дух, добавил: А этот Алеша Американец, так то и казак то ненастоящий уже, а так – засланный. У него в оторванности от Руси матушки и русский дух пропал, да и украинушка на всю голову приключилась. Как украинцы в отрыве от Большой Руси, утеряли в себе чувство причастности к Святой Руси; так и этот за океаном, думает что казак, это так – конь, да шашка. А казак – это душа! Это воин Христов! Защитник Руси, а через то и всей Веры Православной! Если теряет казак это чувство, то все, это уже и не казак, а басурманин на коне! Вот так-то

Митяй, учись, пока я жив, да детям своим передай, что такое казачество, что такое Русь и в чем наше предназначение. Понял? – подмигнул Евдоким усмехаясь.

– Понял, – улыбнувшись, ответил Митя.

– Ну, вот и ладно! – и Евдоким сделал движение, чтобы подняться, но его снова остановил голос Мити.

– Погоди дядь Евдоким... А отчего же мужики все-таки, в баб превращаются?

– Ох ты ушлый какой, от тебя и не отделаешься! – он хитро прищурился и опять усаживаясь поудобней, с готовностью бывалого рассказчика, начал: – Ну, слушай! Я думаю, что во всем виноваты парики!

– Парики? – удивился недоверчиво парень.

– Да-да, именно парики! – закивал утвердительно мужчина. – Ты уже в школе про Петра Первого слышал?

– Слышал, – кивнул мальчик.

– Так вот, этот Петр бороды брил и парики надевал. А если кто не хотел, то он головы рубил! И нарядил он всех своих дворян в эти самые парики, кальсоны, да лосины так, что уже и не отличить было – где мужик, а где баба! Вот они походили, походили, делать нечего!.. Взяли да и обабились... Теперь понял?

Митька скривился, видно было что его это объяснение не очень удовлетворило и Евдоким, видя это, все так же улыбаясь, продолжил:

– Почти шучу!.. Но в каждой шутке, есть доля правды. А теперь серьезней: все дело в грехопадении и утери целомудрия, то есть целостности мудрости. Об этом и Святые Отцы писали... В результате этого падения, зашли у нас шарики за ролики и стали мы неполноценны, разорваны и покалечены – сами себя покалечили не послушав заповеди Божьей! Понимаешь?.. Нет по существу в нас единства, ни в разуме, ни в сердце, ни в чувствах, ни в душе, мы стали вот как это бревно. – И он похлопал по расколотому полену. – Я думаю, что этого единства в нас нет и по половому признаку. Все разделилось и все смешалось! В каждом мужчине, и в каждой женщине, есть мужское и женское, зло и добро, бабье и мужицкое...

– А что из них зло, бабье или мужицкое? – не выдержав перебил его Митя.

– Да и ни то и ни другое – не являются злом, если находятся на своем месте. Вот ты молодой, а я старый – что из этого добро, а что зло? – спросил он у мальчонки и тут же сам ответил. – Да тоже – и ни то и ни другое, просто всему свое место и время. Бог по своей премудрости распорядился так, что одни отвечают за одно, а другие за другое; у одних одно получается лучше, а у других другое. Вот женщина лучше детей понимает и ладит с ними, а мужик лучше воюет; женщина лучше обустроивает, а мужик лучше строит, и так далее и тому подобное. Но в каждом человеке, присутствует возможность, зерно и способность, делать как одно, так и другое. Но в силу разных причин, в людях еще с глубокого младенчества, наверное, еще задолго до появления на свет, начинают развиваться все эти зерна-возможности, одни больше, а другие меньше. Вот и получается, что у одних одни таланты, а у других другие. Но все равно походу нашего земного пути, мы меняемся, и меняются наши склонности и предпочтения и даже таланты. Но более всего на человека действует семья, а за тем и окружение вне семьи, то есть общество. И вот если на мальчика с детства возлагают мужские обязанности, а на девочку женские, то они, пусть порой и худо-бедно, но вырастают мужчиной и женщиной. А если поменяешь их местами и на девочку возложишь мужские обязанности, а на мальчика женские, то получится все кверху тормашками. Понимаешь? – мальчик закивал. – А сейчас с воспитанием творят, что хотят! Или на самотек пускают или порой вообще эксперименты проводить начинают. Вон в Европе говорят, додумались, мы мол говорят не настаиваем ребенку мальчик это или девочка, пусть вырастут и сами решат! Это как?! И у нас примерно то же самое, вот о вере, о Боге, о самом главном в жизни – говорить не смей! Пусть мол вырастут и решают сами, есть Бог или нет, и как в Него верить... Да вы тогда пришибленные и не говорите ему, что

вы отец и мать, пусть сами вырастут и решают – отец вы с матерью или просто инкубатор и ассимилятор – и ничего более! Ну, да ладно, это вообще случай тяжелый – клинический! В современном мире Мить, все перемешалось и чем дальше, тем больше мешается, в этом-то и вся проблема – чем дальше в лес, тем больше волки. И ладно бы настаивали на всем этом, если бы это приносило и хотя бы отдаленно напоминало хоть какой-то добрый плод, а-то ведь очевидно, что плод все мельче и гнилее. Ведь Европа и мы с вместе с нею, даже свою репродуктивную функцию перестали выполнять; то есть перестали рожать детишек, а это очевидный показатель вырождения и болезни вида-популяции-народа! Если мы вымираем – значит что-то не так в вашей общественной конструкции – схеме?!! Вот на югах, на Востоке, женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина и дети оттого у них рождаются. А у нас? Не поймешь где мужик, а где баба: бабы в штанах, мужики в платьях, а если даже внешне и не так, то внутри точно! Пока Мить мужики в душе, в сердце, штаны не оденут, из-под жененных юбок на свет Божий не повылезает, и в храм не пойдут – толку не будет. А народ наш, так и будет потихоньку чахнуть и чахнуть, пока окончательно ни зачахнет и ни испарится.

– Куда испарится? – заморгал непонимающими глазенками Митька, открыв рот.

– Куда?.. А в некуда! Просто вымерем, а на наше место придут другие народы, которые не забывают, что мужчина, прежде всего воин, защитник и боец, и лишь потом добытчик, отец и все остальное. Если он жизненное пространство своего народа не защитит, то и добывать нечего будет и защищать некого. А главная наша борьба, как писал тот же Достоевский, происходит в нашем сердце, там сатана с Богом борется. За души наши Митька борьба идет! Кому еще кроме мужика быть на переднем плане этой борьбы?! Оттого-то Мить и в монастырях подавляющее большинство, это всегда были мужчины, ибо борьба, война, это прежде всего мужское занятие. А нынешние мужики, преимущественно и не мужики – все заботы на женщин переложили; в том числе и главную борьбу человеческого рода – за свои души! Он на печи лежит или водку глушит, а его баба на смертный бой с сатаной в храм бежит, и за него, и за детей ихних, и за себя конечно горемычную! Идет в храм вступать в смертельную схватку с силами зла, на стороне Бога, на стороне добра! Позорники, а не мужики это! Видел я таких в жизни много, говорит: я не верю в Бога! А ты из-под юбки вылезай; как над головой пули засвистят, так голубчик сразу поверишь! Да так поверишь, что впервой меня и бабы своей в храм побежишь, да еще и меня с колокольни скинешь, защищая свое место! – засмеялся Евдоким своей выдумке.

– А что же сильно страшно, дядь Евдоким, на войне? Когда стреляют? – спросил Митька с интересом.

– Страшновато конечно! – посерьезнел Евдоким. – А без веры, так наверно и невыносимо становится. Поэтому я думаю, верно, высказывание, что на войне атеистов нет. Вообще везде, где человек сталкивается с трудностями, даже на контрольной в школе, – и он подмигнул Митьке, – он начинает искать опору. А душа наша, как мы с тобой знаем, по природе христианка: вот и начинаются тогда и мольбы, и слезы, и обеты. Но ведь вот какая у нас натура подлая и непостоянная, только отлегло немного. И уже забыл и о чем просил, и что получил, и какие обеты давал. Вот и лежат теперь на печи – и мужики, и казаки, ждут очередного клюка от петуха какого-нибудь, то ли от своего, то ли от залетного. Только вот, что я тебе Мить скажу: опасное это дело петуха ждать; а-то ведь вместо петуха может и страус прилететь, да так клюнет, что и голову снесет или вообще как червячка проглотит!

Митька засмеялся, представив как страус, пытается отклевать голову его пьяному отцу. А потом, улыбаясь, спросил:

– А ты что же дядь Евдоким, обет какой-нибудь давал? Исполнил? Если не секрет...

– Частично, – посерьезнел он. – Даст Бог исполню... Видишь в храме уже служу... Я только обещал еще, что если детишки будут и их в храм приведу, да не заладилось что-то. Вот с вами молокососами и вожусь! Впрочем, мы с тобой про не мужиков и не баб толковали. Вот

они Мить под юбками заплыли жирком, у них оттого и совесть, и душа, и сердце поатрофировались. Да ты будь мужиком или казаком, в общем мужчиной – вылезай из-под юбки, реальной жизни нюхни, пороха понюхай и сразу станешь первым молитвенником на станице! А-то я знаю этих неверующих: первая пуля просвистит над головой, упадет на колени и будет Богу молиться и лбом землю долбить так, пока на другой стороне шарика не окажется и до Небес ни достучится! А он, видите ли герой, на диване окопался, в крепости сарафанной засел, и думает что туда никто не доберется! Доберутся голубчик, но потом, локоток то близко, да не укусишь. Тогда слезы лей, хоть залейся, а поезд ушел. И вот только, я сам не пойму, может это обабивание случилось оттого, что лучших русских людей еще первая мировая и гражданская повыбивала, ну а там и раскулачка, вторая мировая, и вот итог – бабья весна в жизни началась. Лучших из лучших русских мужиков еще первая половина двадцатого века уничтожила, а остальные надломились, вот бабы в руки вожжи и взяли. Ты не подумай Мить, женщина это хорошо и даже очень хорошо, но во всем нужна мера, размеренность и баланс. Когда мужского в жизни слишком много, тоже ничего хорошего; тогда начинаются войны, революции и прочие социальные потрясения: слишком много агрессии в жизни становится. Так что мера и только мера!... – и он махнул устало рукой. – Ладно хватит на сегодня... Чеши домой!

И Евдоким, похлопав парня по плечу, ухватил топор и более не глядя на Митьку, уверенными и отточенными движениями, продолжил рубить дрова.

Часть вторая

Преступление

Митька стремглав побежал в сторону дома. Еще издали, подходя к станице, он увидел группу подростков, на пустыре, возле полуразрушенного здания сельсовета. Их было человек десять, они сидели кружком, среди них виднелось три или четыре девчонки. На земле стояли пластмассовые бутылки с пивом, в зубах торчали сигареты, в общем, обычные трудные подростки. Раньше Митя гулял с этой компанией, но потом мать отправила его к Евдокиму, в монастырь, чтобы может он оказал на него влияние и Митя бросил общаться с этой трудной компанией. И результат не заставил себя ждать, он действительно стал отдаляться от бывших друзей, да и в школе у него сразу улучшилась успеваемость, а главное он перестал прогуливать и пропускать уроки. И сейчас Митьке не хотелось с ними встречаться и он даже думал свернуть и обогнув их по выгону незаметно пройти домой. Но среди подростков он заметил силуэт Наташи, это девочка ему сильно нравилась, ему захотелось хотя бы взглянуть на нее; и тяжело вздохнув, с легким неприятным чувством, он направился к ним.

– О-о! какие люди! Пономарь! – загалдели, засмеявшись, парни, улыбнулась ему и Наташа.

– Здо-ро-ва! – протянул Митя и весь словно подобрался, стараясь выглядеть как можно более взрослее и непринужденнее; вальяжно подошел к парням и стал здороваться с каждым из них за руку.

– Опять из монастыря? – спросил, покровительственно ухмыляясь, самый здоровый из них.

– Да.., оттуда... Мать посылала, помянуть деда с бабкой, – соврал Митя. Он стеснялся перед сверстниками, своих походов в монастырь и своего интереса ко всему этому.

– Бреешь небось?.. Сам повадился бегать молиться, а стрелки на мать пускаешь. – И худощавый паренек, сказавший это, засмеявшись, стал пародировать молитву: сложив ладони и забавно кивая головой. Подростки расхохотались.

Мити стало неудобно, и он не зная, что и делать, стукнул двумя пальцами по козырьку парня:

– Смотри а-то лоб разобьешь, у дураков говорят так бывает.

– А может ты там, только прикидываешься, а сам обшак монастырский тыришь? – острил другой.

– Я туда питаться бесплатно хожу, там и пирожки и булочки, и все на халяву раздают. Так что приходи подкормлю, я знаю у тебя дома жрать нечего; не кормят; а у меня подвязки есть; я договарюсь! – попытался с острить и уколоть в ответ Митя. Он явно чувствовал себя защищающимся и отбивающимся от нападков. И даже стал немного жалеть, что не обошел их стороной.

– Не-е, увольте! Если только там кагор начнут наливать, да сигареты и план выдавать.., тогда да! А пока, лучше ты там за нас молись, и свечи перед образами втыкай! – Не растерялся парень и опять поклонился, изображая молитву, со сложенными над головой руками.

– Я за тебя лично, целый факел поставлю! – огрызнулся, зло и весело Митя. И на этот раз попал в точку, чему свидетельством стал дружный хохот ребят.

– Да, ладно!.. Че напали на пацана?.. – вмешался в разговор здоровяк. И покровительственно приобняв Митьку, предложил ему сигарету. – На паря дыхни.

Мите не хотелось, но чтобы не принять окончательно в глазах сверстников вид белой вороны, он взял сигарету и закурил. Раньше он баловался сигаретами, но теперь общаясь с Евдокимом, под его влиянием и рассказами о никотиновом рабстве, Митя забросил эту гадость.

Вдруг здоровяк Женька поднял руку и проговорил:

– Тихо!.. Слышите?

Все затихли и оборотились к полуразрушенному зданию администрации: стояла тишина и даже, как будто было тише, чем обычно. Но вот раздался какой-то шорох и шум падающего камня.

– Это Сашка-дурак, – прошептал Женька. – Айда! Только тихо... – и он, приложив палец к губам, направился к зданию; ребята дружно пошли вслед за ним.

Митька не хотел выглядеть в их глазах трусом или слабаком и потому увязался следом за ними, стараясь не отставать. Рядом с ним шла Наташа. Она была на год или два старше его и в ее наливающейся фигуре, уже всюю стала проглядывать красота взрослой женщины. Мите она очень нравилась. Глядя на нее у него волнительно и сладко сжималось сердце, в душе что-то переворачивалось, так что перехватывало дыхание и сердце начинало биться чаще.

Наверное, эта была первая любовь?! Но она была занята; с ней дружил их вожак Женька. Сейчас идя рядом с нею, он украдкой оглядывал ее с ног до головы, и она словно почувствовав это, тоже бросила на него, как показалось Мите, совершенно безразличный и холодный взгляд. Но в какой-то момент она весело улыбнулась и подмигнула ему, и от этого подмигивания и улыбки, адресованной Митьке, он сразу почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Ему сразу захотелось подвигов, чтобы доказать ей, что и он не лыком шит и в своей отчаянности и смелости не уступит никому из станичной шпаны.

В то же время лица всех подростков засветились азартом и каким-то злым огоньком, и они как стая волчат, ринулись в развалины здания, на поиски своей жертвы – добычи. «Вот он! – раздался где-то голос. – Где?.. Пропал!.. Спрятался где-то!..» И подростки разбрелись кто куда, ища добычу и заглядывая в каждый уголок здания. Митя вновь оказался рядом с Наташей, но теперь они были только вдвоем, лишь в некотором отдалении от них, шел какой-то парень, оглядывая каждую комнату и то пропадая, то вновь появляясь в коридоре и не обращая на них никакого внимания. Митя вновь посмотрел на Наташу, и она снова ему улыбнулась. Вдруг впереди они услышали какой-то шум, словно кто-то крадучись наступил на маленький камушек. Митя и Наташа переглянулись и улыбнувшись подняв с пола несколько камней, – устремились на шум.

Подойдя к последней комнате, Митя осторожно туда заглянул... и в это время из-за угла выскочил долговязый и худощавый паренек лет восемнадцати и быстро прошмыгнув между растерявшимися было Митей и Наташей, побежал вдаль по коридору. Митька, оправившись от секундной растерянности начал швырять в него, вдогонку, камни. Бросая их вслед убегающего парня, Митя каждый раз немного зажмурился, когда видел что камень еще чуть-чуть и мог достигнуть своей цели. И каждый раз промахиваясь, он мысленно благодарил неизвестно кого за то, что опять не попал по убегающему от них Сашке. Митя и Наташа побежали вслед за ним, иногда швыряя в него камни. То из одной комнаты, то из другой выскакивали их друзья и присоединялись к погоне, тоже, то и дело, бросая камни в бедного Сашку. Митя все бежал и бежал, он все кидал и кидал все новые и новые камни, и каждый раз закрывал глаза боясь попасть в цель. Но чтобы не выглядеть трусом, он продолжал бросать свои каменные снаряды по цели. В какой-то момент ему даже стал нравиться сам процесс охоты на бедного и беззащитного Сашку. Наверное, в нем проснулся, дремлющий в каждом из нас инстинкт зверя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.